

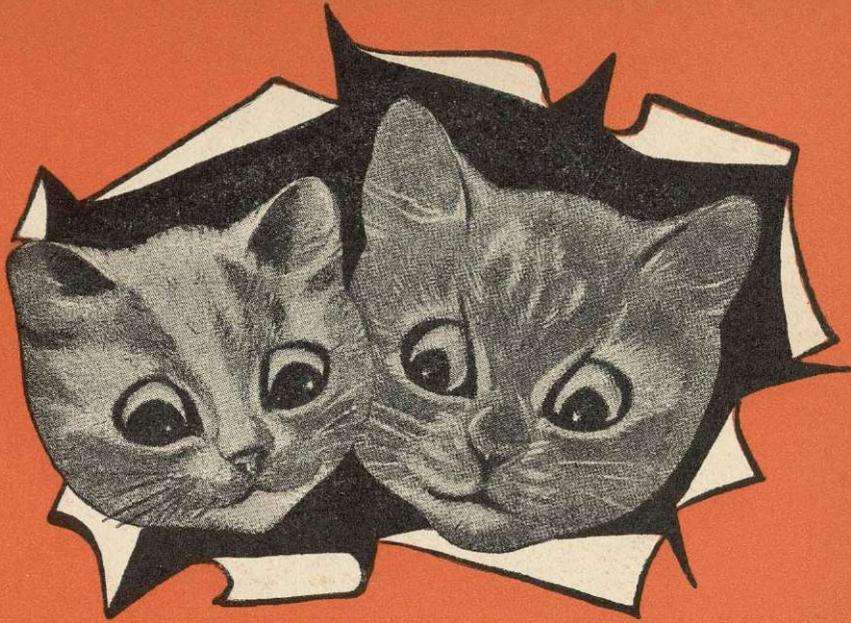
IV 45
10

Годъ изданія третій

ІЮНЬ

№ 16.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

БАРЫШНЯ СЪ ЛАМПОЙ.
ХОЗЯИНЪ И ОСЕЛЪ.
НА НЕОБИТАЕМОМЪ ОСТРОВѢ.
ВСѢ ЯБЛОНИ ВЪ ЦВѢТУ.
ЧУЖОЙ (повѣсть).
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Выкройка передника для дѣвочки.
Можно-ли довѣрять своимъ гла-
замъ?

№ 16. Июнь, 1910.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Она съ опасностью для собственной жизни, каждую минуту готовая умереть, перебѣгала съ ведромъ воды отъ одного раненаго къ другому.

БАРЫШНЯ СЪ ЛАМПОЙ.

Около восьмидесяти лѣтъ тому назадъ въ Англіи жила одна очаровательная дѣвочка. Она росла въ богатомъ домѣ своего отца, окруженномъ со всѣхъ сторонъ прекраснымъ паркомъ, и играла въ куклы, но совсемъ иначе, чѣмъ всѣ остальные дѣвочки, ея подруги. Она любила лечить ихъ, для чего раздѣвала ихъ, укладывала ихъ въ постельки, поила ихъ горячимъ чаемъ изъ маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ, чтобы онѣ согрѣлись и пропотѣли, и самымъ пресерьезнымъ образомъ ставила имъ горчичники. Болѣзнь обыкновенно скоро не проходила и она еще долго возилась съ куклами, стараясь имъ помочь. Обыкновенно она воображала, что случился какой-нибудь ужасный случай, что куклу переѣхалъ экипажъ или что она свалилась изъ окна на землю и сломала себѣ руку или ногу, — и дѣвочка принималась дѣлать ей перевязку, накладывать бинты и уже надолго укладывала куклу въ постель и часто вставала по ночамъ, чтобы ее провѣдать.

А время все шло и шло и она становилась уже барышней. Наконецъ, играть въ куклы стало уже неловко, ей было шестнадцать лѣтъ, но потребность ухаживать за кѣмъ-нибудь была въ ней настолько велика, что она выходила изъ дома и, посѣщая сосѣднія деревни, всюду выпраши-

вала у крестьянъ, нѣтъ-ли среди нихъ больныхъ, и если случался гдѣ-нибудь такой больной, то она забывала уже обо всемъ и принималась за его лечение. И было странно видѣть блестящую барышню изъ богатой аристократической семьи цѣлую ночь сидящею у постели крестьянина въ его грязной, бѣдной избѣ и заботливо промывающею ему раны. А ея пріятельницы между тѣмъ весело проводили время въ катаньи верхомъ или на лодкахъ и презрительно, хотя и тихонько, говорили о ней:

— Фи, она лечитъ простыхъ крестьянъ!

А когда не было больныхъ крестьянъ, то она принималась за животныхъ и на нѣсколько верстъ вокругъ ея усадьбы не было ни одной больной кошки, ни одного больного пѣтуха.

Ее осуждали, отецъ часто покривалъ на нее, а мать въ ужасѣ всплещивала руками и говорила:

— Ну, кто тебя, такую дуру, возьметъ замужъ? Вѣдь ты срамишь насъ на всю страну!

Но она не обращала ни на что вниманія и продолжала свое дѣло.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ и изъ нея выросла стройная, прекрасная дѣвушка, на которую стали заглядываться мужчины. Тогда ея отецъ и мать рѣшили отвезти ее въ Лондонъ и пред-

ставить ко двору. Она носила знатную фамилію Найтингель и потому была обласкана королевой въ уваженіе къ ея отцу.

— Послушай, Флорансъ, обратилась къ ней послѣ этого мать.—Ты должна теперъ бросить всѣ твои деревенскія замашки и это твое глупое лечение кошекъ и собакъ. Теперъ ты при дворѣ и должна прилично выйти замужъ!..

Но праздная, полная свѣтскихъ развлеченій придворная жизнь не пришлась по вкусу Флорансъ и она тайкомъ, чтобы никто не узналъ, стала убѣгать изъ своего лондонскаго дома въ больницы и въ богадѣлни и ухаживать тамъ за слабыми и больными. Въ то время сестеръ милосердія при больницахъ еще не было, а были простыя сидѣлки, которыя были невѣжественны и грубы, и Флорансъ сразу же поразили тѣ жестокосердіе и суровость, которыя царствовали въ тогдашнихъ больницахъ. Врачи были грязны и необразованны, больные валялись въ грязи и на полусгнившей соломѣ вмѣсто матрацовъ, лекарства приготавливали пьяные фельдшера. Это глубоко оскорбило Флорансъ и, испытавъ цѣлую бурю негодованія со стороны матери и отца, она поѣхала въ Германію и затѣмъ въ Парижъ, чтобы изучить тамъ больничное дѣло и ввести новые порядки у себя. Кромѣ того, она сама поступила въ помощницы къ извѣстнымъ тогда въ Европѣ профессорамъ и, когда возвратилась къ себѣ въ Англію, то лучше ея уже никто не

зналъ, какъ надо обращаться съ больными и какъ нужно было ихъ лечить.

А тѣмъ временемъ случилась Крымская война. Французскій императоръ Наполеонъ III въ союзѣ съ Англіей объявилъ Россіи войну. Къ нимъ присоединились турки и итальянцы и громадный соединенный флотъ этихъ державъ появился вдругъ у береговъ нашего Крыма и сталъ ихъ опустошать. Это было въ 1853 году. Нашъ императоръ Николай I послалъ туда свои войска и они съ первыхъ-же шаговъ стали наносить непріятелямъ значительный уронъ. Но у нихъ былъ отличный флотъ, они высадились съ него на берегъ и окружили Севастополь со всѣхъ сторонъ. Тогда русскіе принялись его укрѣплять.

— Не сдадимъ Севастополя! говорили они.— Ляжемъ всѣ до одного, но Севастополя не сдадимъ!

По цѣлымъ днямъ и ночамъ кипѣла работа. Всѣ жители, молодые и старики, женщины и мужчины и даже дѣти участвовали въ работахъ, подѣ выстрѣлами непріятелей, и скоро кругомъ города выросли такія укрѣпленія, о которыхъ наши непріатели даже и не воображали.

Тогда они пошли на штурмъ. Но штурмъ этотъ геройски былъ русскими отбитъ и непріатели начали тогда правильную осаду. По цѣлымъ днямъ и ночамъ они стали сыпать на Севастополь бомбы и ядра, разрушили почти всѣ его дома и перебили много людей. А тѣмъ временемъ на укрѣ-

пленіяхъ шла тяжкая борьба. Наши солдаты рѣшились или отстоять Севастополь или умереть, и поэтому не жалѣли своей жизни. Тамъ шла борьба не на жизнь, а на смерть. Русскіе сражались, какъ львы. Цѣлые двѣнадцатъ мѣсяцевъ держался Севастополь. Двѣнадцатъ разъ луна мѣнялась въ своихъ фазахъ, протекли всѣ четыре времени года, въ которые пали сотни тысячъ людей съ обѣихъ сторонъ, — а Севастополь все еще держался. Но есть невозможное и для героевъ. Одному было не подъ силу сражаться противъ десятерыхъ и Севастополь былъ сданъ...

Въ этой Крымской войнѣ была и Флорансъ.

Когда начиналась только война, то въ Лондонѣ только и думали, что о славѣ, да орденахъ, и солдаты съ пѣснями отправлялись въ походъ. Но русскіе сражались такъ, какъ могутъ сражаться только русскіе, и скоро въ Англію стали приходить слухи о тысячахъ раненыхъ, которые должны были умирать безъ всякой врачебной помощи, о гордыхъ сынахъ Англіи, которые гибли отъ русскихъ штыковъ и умирали подъ палящими лучами крымскаго солнца, не убранные никѣмъ. Вся Англія содрогнулась при этихъ вѣстяхъ и каждый закричалъ, что необходимо-же наконецъ приняться за дѣло, необходимо рѣшиться на что-нибудь героическое, на что-нибудь такое, что сразу-же облегчило-бы страданія несчастныхъ солдатъ.

И выполненіе этого дѣла взяла на себя Флорансъ.

Когда-то маленькая дѣвочка, которая лѣчила собакъ, и дѣлала перевязки своимъ кукламъ, Флорансъ явилась теперь въ Крымъ добрымъ ангеломъ для англійскихъ солдатъ. Захвативши съ собою сорокъ сестеръ, она явилась вдругъ у самага огня и, забывъ о самой себѣ, она всю себя отдала на служеніе другимъ. Подъ грохотомъ ядеръ и бомбъ, между свистящихъ пуль, молодая еще годами, но сразу постарѣвшая на нѣсколько лѣтъ, она съ опасностью для собственной жизни, каждую минуту готовая умереть, перебѣгала съ ведромъ воды отъ одного раненаго къ другому, давала имъ пить, промывала имъ раны и дѣлала перевязки лучше всякаго врача.

— Кто это? спрашивали раненые. — Это ангель слетѣлъ къ намъ съ неба, чтобы позаботиться о насъ и принести намъ воды. Самъ Богъ послалъ ее намъ.

Флорансъ прибыла въ Крымъ и тотчасъ же тамъ пошли другіе порядки. Одинокіе, беспомощные солдаты, которые цѣлыми недѣлями валялись въ госпиталяхъ прямо на полу, страдая отъ полученныхъ ранъ, теперь нашли въ ней преданную, заботливую сестру; она сама устраивала имъ постели и своими тонкими, нѣжными пальчиками умѣло перевязывала имъ раны. Флорансъ никогда не отдыхала: ее можно было видѣть и днемъ и ночью, то въ жаркомъ бое-

вомъ огнѣ, гдѣ она подавала первую помощь раненымъ, то въ госпиталяхъ, гдѣ она дѣлала перевязки и лечила больныхъ. Каждую ночь, тихонько, съ лампой въ рукахъ, она появлялась вдругъ въ госпиталь, обходила всѣхъ больныхъ и каждому изъ нихъ говорила ласковое слово или давала лекарство. И видя въ темнотѣ нѣжную женскую фигурку, ходившую съ лампою въ рукахъ, солдаты говорили:

— Вотъ нашъ ангелъ!

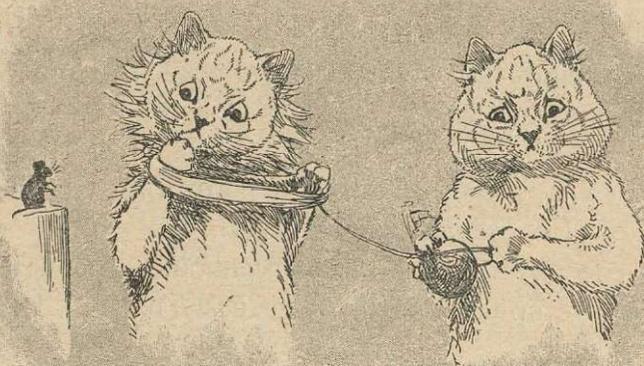
И никто не зналъ, какъ ее зовутъ и кто она. Когда нужно было спросить объ ней, то задавали такой вопросъ: «здѣсь ли дѣвушка съ лампой?» Когда солдаты выписывались изъ госпиталя и уѣзжали къ себѣ въ Англію домой, то онъ говорилъ:—«Это я выздоровѣлъ только благодаря дѣвущкѣ съ лампой. Она—нашъ общій ангелъ».

И такъ звали ее тысячи англійскихъ солдатъ, которые сражались съ русскими въ Крыму, были ранены и не умерли отъ ранъ.

Она была ихъ ангеломъ и они были правы, что такъ ее называли, потому что до прибытія ея въ Крымъ тамъ изъ каждаго ста раненыхъ умирали сорокъ два, а когда она пріѣхала туда, то изъ каждаго ста стали умирать только два. Черезъ ея руки прошло болѣе десяти тысячъ чело-вѣкъ, которымъ она наложилла повязку сама. А когда раненаго несли

въ операционную комнату, чтобы отнять у него руку или ногу, то вмѣстѣ съ нимъ туда шла и она. Тогда еще не было хлороформа, операція производилась при полномъ сознаніи больного и Флорансъ старалась своею ласкою облегчить его страданія. Она клала обыкновенно ему на плечи или на лобъ свою руку и этого было достаточно, чтобы солдатъ забылъ о своей ужасной боли.

А когда окончилась война и Фло-

Искушеніе.

рансъ возвратилась къ себѣ домой, то благодарная Англія поднесла ей въ подарокъ полъ-милліона рублей и приготовила ей пышную, королевскую встрѣчу. Но скромная дѣвушка не желала славы: она тихонько, прямо съ корабля, на простомъ извозчикѣ, уѣхала къ своему отцу и тамъ переждала, пока поутихли народные вос-торги. На полученные же ею въ подарокъ деньги она устроила первый во всемъ свѣтѣ институтъ для се-

стерь милосердія, гдѣ съ этихъ поръ каждая женщина могла научиться ухаживать за ранеными и больными и приносить имъ посильную пользу дома и на войнѣ.

Тяжкіе труды разстроили здоровье Флорансъ. Уже старушкой, она собирала вокругъ себя своихъ внучатъ

и, скромная и простая, точно она и не сдѣлала ничего, она рассказывала имъ только сказки и только о томъ, какъ когда-то лечила своихъ куколъ и собакъ, но ни однимъ словомъ никогда не обмолвилась о томъ, что она сдѣлала въ Крыму.

Н. Я.

ХОЗЯИНЪ и ОСЕЛЪ.

(Басня).

Навьючивъ на осла большую кладь,
Хозяинъ сталъ его за лѣность упре-
кать.

Онъ гналъ его, сердился и ропталъ,
Но осликъ ужъ усталъ
И еле плѣлся по дорогѣ пыльной.
Онъ устарѣлъ уже и былъ безсиль-
ный

И столько, какъ въ былыя времена,
Его спина
Была не въ силахъ выдержать по-
клажи:

Онъ задыхался даже...
— За что бранишься ты, хозяинъ
милый?»

Спросилъ Осель. — Вѣдь если-бъ
были силы,
Какъ прежде, у меня, то я-бъ бѣжалъ
бѣгомъ

И ты-бы самъ еще сидѣлъ на мнѣ
верхомъ!

Но я ужъ старъ, не тотъ, что былъ
когда-то,

И стало у меня здоровье слабовато,
Поэтому, хоть трудъ мой и великъ,
Но я старикъ,

И сдѣлать бѣльшаго не въ силахъ.
— Не выношу упрямецъ я посты-
лыхъ!

Такъ на Осла хозяинъ закричалъ
И тутъ-же съ глазъ его прогналъ.
— Ты старъ, сказалъ онъ.— Мнѣ-то
что за дѣло?

Мнѣ это надоѣло!

Коли труды теперь тебѣ не въ мочь,
Такъ убирайся прочь!

Такъ иногда и мы прислугъ своихъ
За то лишь съ мѣста удаляемъ,
Что въ нужды и страданья ихъ
Поближе вникнуть не желаемъ.

Ирисъ.

НА НЕОБИТАЕМОМЪ ОСТРОВѢ.

Цѣлые дни уже продолжалась буря, корабль сбило вѣтромъ съ пути и онъ носился теперь по волнамъ гдѣ-то въ южномъ полушаріи, около Африки, но гдѣ именно, его капитанъ опредѣлить не могъ. Подъ конецъ команда потеряла самообладаніе и мы услышали вдругъ крикъ:

— Мы погибаемъ! Спасайся, кто можетъ!

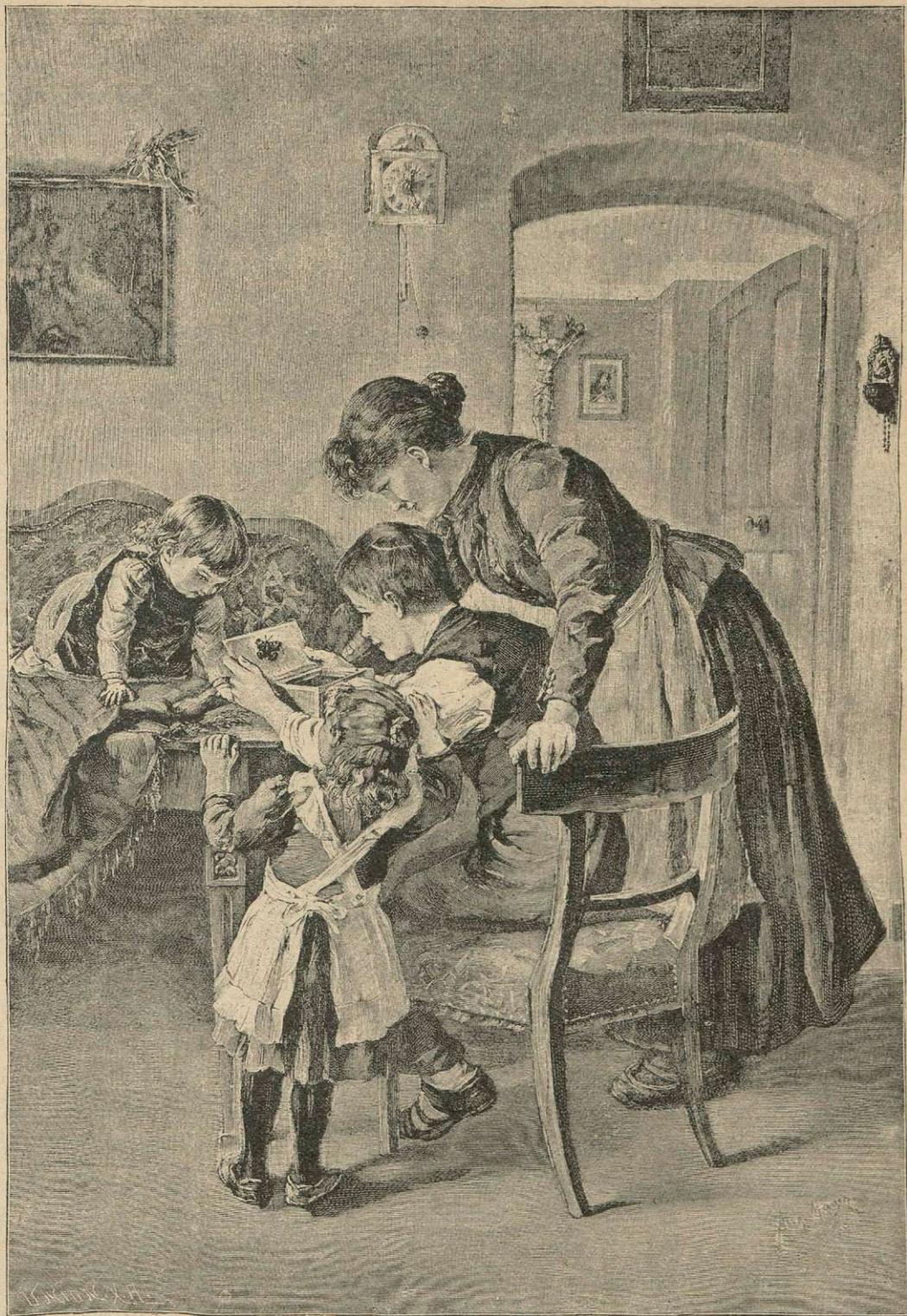
Большинство пассажировъ было въ это время внизу. Услышавъ эти крики, они бросились укладывать свои вещи, и, какъ всегда бываетъ въ подобномъ случаѣ, тоже потеряли голову и не знали, за что ухватиться. Среди нихъ былъ я, который ѣхалъ со своей семьей въ Капштадтъ. Долгое время я успокаивалъ своихъ жену и дѣтей и когда выбѣжалъ затѣмъ наверхъ, чтобы оглядѣться и понять, въ чемъ дѣло, то оказалось, что всѣ пассажиры и команда уже уплыли, оставивъ пароходъ на произволъ судьбы.

Каковъ же былъ мой ужасъ, когда сквозь брызги отъ волнъ и дождя я увидѣлъ, что послѣдняя лодка отчалила уже отъ корабля, что команда бросила насъ однихъ и, не смотря на мои отчаянные крики и просьбы о помощи, такъ и не обратила на насъ вниманія. Мой голосъ былъ не слышенъ за шумомъ волнъ, да если бы они и захотѣли возвратиться, чтобы взять меня и мою семью съ

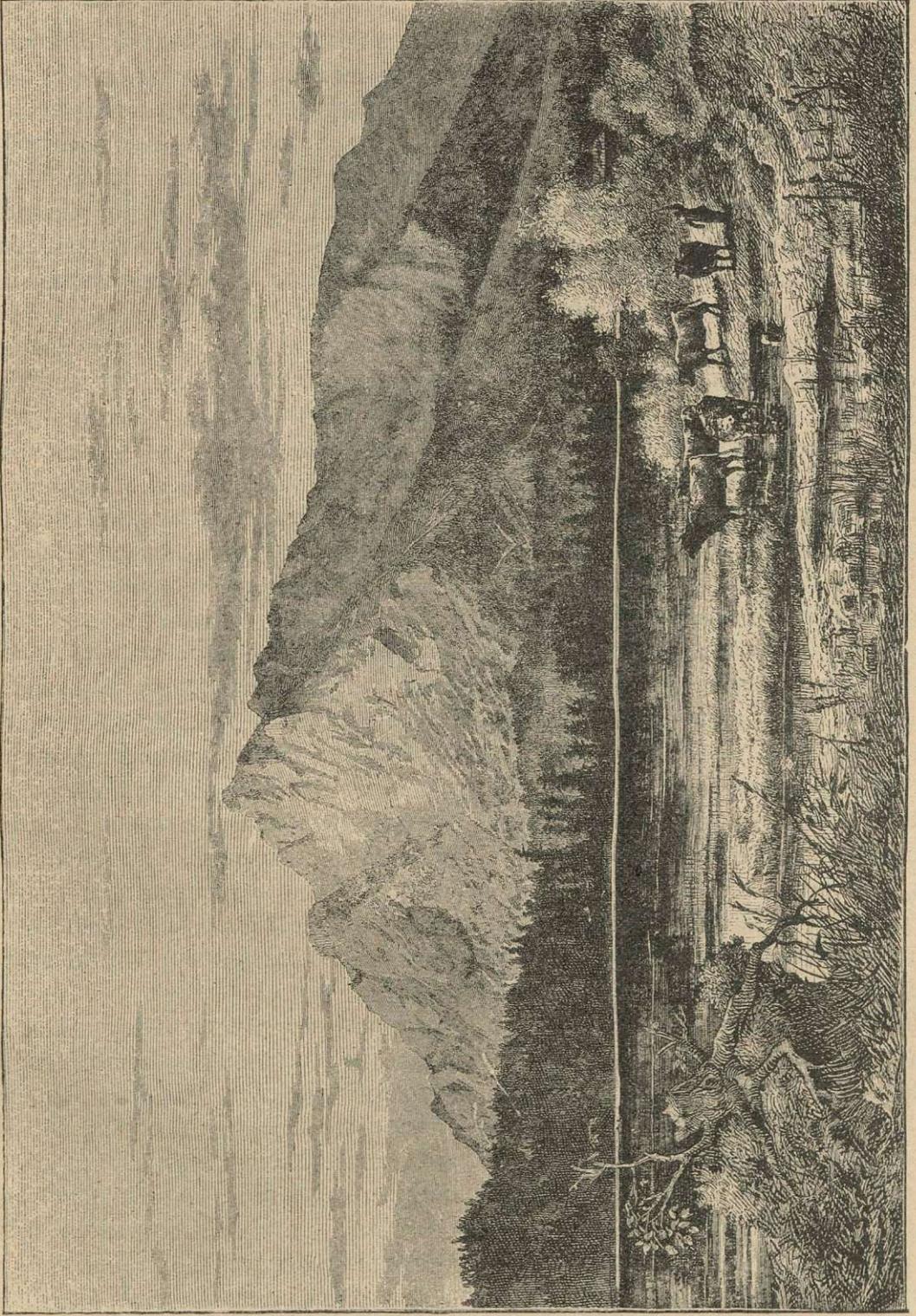
собой, то все равно этого сдѣлать не могли бы, такъ какъ ихъ лодка должна была-бы разбиться о пароходъ.

Нашъ пароходъ застрялъ между двухъ подводныхъ камней. Его передняя часть уже была разбита въ щепы. Волны заливали его со всѣхъ сторонъ. На утро буря стала утихать и наша несчастная семья должна была придумать средство, какъ бы добраться до земли. Изъ оставшихся досокъ я и мои мальчики-сыновья сколотили плотъ, связали его веревками и спустили на воду.

Когда все было готово, мы всѣ взошли на него и отплыли отъ корабля. Моя жена первая оставила пароходъ, за нею сошелъ нашъ сынъ Фрицъ, а потомъ сползъ на своихъ рученкахъ и нашъ восьмилѣтній мальчуганъ Францъ. Мы не знали, скоро ли достигнемъ до берега и потому взяли съ собой побольше съѣстныхъ припасовъ и разныхъ инструментовъ, огородныхъ, плотничьихъ и другихъ. Вслѣдъ затѣмъ на плотъ сошли два другіе мои сына Джекъ и Эрнестъ, а затѣмъ ужъ и я. Когда мы уже совсѣмъ почти были готовы отплыть, мы услышали на пароходѣ жалобные крики животныхъ, которые были на немъ еще до кораблекрушенія; чувствуя, что мы оставляемъ ихъ, они жалобно выли и кричали. Это были двѣ собаки, корова, осель, двѣ козы,

Изъ куголки неожиданно вышла бабочка.

Въ Норвегiи.

шесть овецъ, свинья, куры и пѣтухъ, нѣсколько утокъ и гусей. Такъ какъ ихъ некуда было уже дѣвать, то я вернулся, отворилъ ихъ клѣтки и выпустилъ всѣхъ ихъ на свободу. Тотчасъ же утки и гуси слетѣли на воду и уплыли, а голуби полетѣли куда-то направо, должно быть, къ берегу. Собаки тоже поплыли. Куръ мы взяли съ собой. Мы отчалили отъ корабля и поплыли вслѣдъ за собаками. И дѣйствительно, мы скоро добрались до какого-то незнакомаго острова. Собаки приплыли туда раньше насъ и встрѣтили насъ съ радостнымъ лаемъ и прыжками. Гуси и утки, доплывъ до берега, подняли страшный гамъ, а тутъ еще оказались фламинго и пингвины, мирный покой которыхъ мы нарушили своимъ появленіемъ, и поднялся такой крикъ, что мы едва могли слышать другъ друга.

Добравшись до берега, я собралъ вокругъ себя всю свою семью, мы стали на колѣни прямо на песокъ и стали молиться Богу, благодаря Его за наше спасеніе. Затѣмъ мы поручили Ему нашу дальнѣйшую судьбу и стали оглядываться по сторонамъ. Буря уже утихла совсѣмъ, небо было синее и солнце ярко свѣтило. Нашъ берегъ оказался очень красивымъ, съ массой деревьевъ и пальмъ. Мы тотчасъ же выпустили на свободу нашихъ куръ, которыхъ все равно намъ нечѣмъ было кормить. Но онѣ не потерялись и тотчасъ же принялись разгребать кучи ила, образовавшіяся на берегу, и отыскивать въ

нихъ улитокъ и червячковъ. Пѣтухъ весело захлопалъ крыльями и огласилъ воздухъ своимъ ку-ку-реку. Затѣмъ мы стали устраивать себѣ убѣжище, гдѣ бы мы могли пріютиться на ночь. Это намъ скоро удалось. Воткнувъ въ дыру въ скалѣ перекладину и подперевъ ее съ другого конца шестомъ, мы сдѣлали такимъ образомъ раму, на которую натянули парусъ, захваченный нами съ корабля, наставили съ другихъ боковъ одинъ на другой наши ящики съ провизіей и имуществомъ и такимъ образомъ у насъ получился шалашъ. Когда все было готово, мальчики побѣжали за мхомъ и травой, принесли ихъ цѣлыя кучи и сдѣлали изъ нихъ мягкія постели. Я же, какъ разъ у берега хрустальнаго ручья, протекавшаго невдалекѣ отъ насъ, сложилъ изъ камней печь. Скоро запылали въ ней сухія вѣтки и высохшая морская трава, я наполнилъ чугунокъ водой и передалъ его женѣ. Она поставила его на очагъ и принялась готовить намъ обѣдъ. Маленькій Фрицъ все время вертѣлся около нея и помогалъ ей.

Затѣмъ я принялся вылавливать изъ воды плававшія у берега бочки, которыя пригнало сюда съ нашего погибшаго парохода, а Джекъ въ это время наловилъ много раковъ и отнесъ ихъ къ матери. Какъ и всегда, дѣти стали съ любопытствомъ ходить по берегу и искать раковинки. Скоро они набрали ихъ столько, что мы сдѣлали изъ нихъ ложки, а болѣе

крупныя раковины стали служить для насъ вмѣсто чашекъ и тарелокъ. Въ одной изъ расщелинъ скалы Фрицъ нашель соль.

Ночь мы провели отлично. Мы сытно поужинали и, уставшіе, не спавъ хорошо уже нѣсколько ночей, заснули сномъ праведниковъ и проснулись только тогда, когда было уже свѣтло и солнце взошло уже высоко.

Утромъ я и Фрицъ отправились изслѣдовать нашу страну. Мы нашли по дорогѣ тыквы, орѣхи какао, изъ которыхъ дѣлаютъ въ Европѣ шоколадъ, и сахарный тростникъ. Одна изъ собакъ, Джимъ, которая побѣжала за нами, гдѣ-то нашла маленькую обезьянку и, вообразивъ, вѣроятно, что это ребенокъ, принесла ее къ намъ у себя на спинѣ. Мы вернулись домой только къ вечеру, обремененные нашей ношей, которую мы собирали по дорогѣ. Обезьянка все время сидѣла у Фрица на плечѣ. Ночью мы были перепуганы нападеніемъ шакаловъ. Эти безпокойныя животныя осаждали насъ со всѣхъ сторонъ, но благодаря нашимъ собакамъ и выстрѣламъ изъ ружья, они скоро насъ оставили въ покоѣ и убѣжали.

На слѣдующій день я и Фрицъ снова отправились на плоту на остатки отъ нашего корабля. Когда мы подплывали къ нему, то увидѣли на немъ бѣдныхъ животныхъ, которыхъ мы оставили на немъ третьяго дня. Всѣ они еще были живы, хотѣли ѣсть и очень обрадовались, когда мы къ нимъ

подплыли. Намъ нужны были порохъ и ружья, а также кухонная посуда и потому мы прежде всего отправились ихъ разыскивать и въ уцѣлѣвшей кладовой нашли ихъ достаточное количество. Тамъ же оказалась масса разныхъ консервовъ въ жестянкахъ, сухой зелени, окороковъ и колбасъ. Все это мы захватили съ собой. Попался подъ-руку большой кусокъ сѣры и я взялъ его къ себѣ, чтобы приготовить изъ него потомъ побольше спичекъ.

Возвратившись къ себѣ, мы долго обсуждали вопросъ, какъ быть съ тѣми животными, которыя остались на кораблѣ. Съ каждымъ днемъ волны разрушали пароходъ все болѣе и болѣе и дней черезъ пять, много черезъ недѣлю, отъ него не останется уже больше ничего. Поэтому необходимо было спѣшить и, пока стояла хорошая погода, перевезти съ него на берегъ все, что было возможно. И мы рѣшили, наконецъ, перевезти всѣхъ животныхъ къ себѣ. Но какъ? Нашъ плотъ былъ не настолько крепокъ и великъ, чтобы выдержать на себѣ корову или осла.

— Знаешь, папа? обратился ко мнѣ Фрицъ.—Мы слѣаемъ для нихъ плавающие пояса! Тогда мы бросимъ корову прямо въ воду и потянемъ ее за собою на веревкѣ, а уже плыть будетъ она сама.

— Это вѣрно, отвѣтилъ я.—Давай попробуемъ!

Для опыта мы рѣшили перевезти такимъ образомъ сначала одну изъ

овець. Я надѣлъ на нее кушакъ изъ куска паруса, къ кушаку мы привязали побольше пустыхъ бутылокъ, которыя плавали на поверхности воды, и потянули овцу за собой. Она благополучно и невредимо дотащилась до берега.

— Ура! закричалъ Фрицъ въ восторгѣ.—Такъ мы всѣхъ ихъ перетасчимъ на берегъ и у насъ будетъ цѣлое хозяйство!

И дѣйствительно, мы скоро перетаскивали ихъ всѣхъ съ помощью поясовъ и пустыхъ бутылокъ и боченковъ. Съ коровою же и осломъ намъ пришлось похлопотать, потому что эти животныя были сравнительно велики и у насъ для нихъ не хватало бутылокъ и боченковъ. Пришлось опоразнивать цѣлыя бочки, укрѣплять ихъ между собой и привязывать къ нимъ корову и осла. А когда мы окончили эти наши приготовления, оказалось, что мы не въ силахъ были ихъ столкнуть съ корабля въ море. Наконецъ, съ помощью кольевъ и рычаговъ, намъ удалось перваго спихнуть въ воду осла. Онъ слетѣлъ съ вышины, глубоко погрузился въ воду, затѣмъ бочки вытянули его на поверхность и мы видѣли, какъ онъ забарахтался въ водѣ. Корова, овца и козы послѣдовали за нимъ и скоро были вытянуты нами на берегъ. Только одна изъ козъ ни за что не хотѣла покинуть корабль. Она упиралась, бодалась и такъ себя вела, что я уже рѣшилъ отказаться отъ нея и оставить ее погибать на кораблѣ. Но

когда намъ удалось, наконецъ, столкнуть ее въ воду, то она поплыла къ берегу сама, безъ всякой помощи съ нашей стороны, и вышла первая изъ воды. Ее встрѣтили мои ребята и ласково освободили ее отъ бутылокъ. Вѣроятно, забавно было смотрѣть на насъ со стороны, когда мы плыли на нашемъ плоту отъ корабля къ себѣ домой. Я и Фрицъ гребли веслами, а слѣдомъ за нами тянулись корова, оселъ и прочія животныя, всѣ увѣшанныя пустыми бочками и бутылками, и мы всѣхъ ихъ таскивали на веревкѣ за собой.

Въ этотъ вечеръ у насъ былъ цѣлый праздникъ. Жена сварила намъ отличный обѣдъ, у насъ были яичница и молоко и мы запили все это привезеннымъ съ корабля виномъ.

Пока я и Фрицъ хлопотали съ кораблемъ, ловя каждый моментъ, чтобы успѣть снять съ него все, что только было возможно снять, жена была занята устройствомъ жилища. Она рѣшила, что оставаться жить долѣе въ палаткѣ, подъ палящими лучами солнца, было невозможно, и, забравши съ собой ребятъ, отправилась въ ближайшій лѣсъ, такъ и оставивъ все наше имущество на произволъ судьбы. Да его некому было бы и воровать, потому что нашъ островъ былъ необитаемъ и самыми опасными для насъ могли бы быть развѣ только шакалы; но они уже были достаточно напуганы нашими собаками и ружейными выстрѣлами и оставили насъ въ покоѣ.

Когда мы съ Фрицемъ вернулись съ парохода, она рассказала намъ слѣдующее:

— Мы взяли съ собой собакъ и отправились въ лѣсъ. Если бы ты зналъ, сколько тамъ летаетъ прекрасныхъ птицъ и какъ онѣ голо-систо поютъ! Онѣ насъ нисколько не боялись, сажались къ намъ прямо на головы и плечи, но я запретила дѣтямъ трогать ихъ, чтобы онѣ убѣдились, что мы имъ братья и сестры и не причинимъ имъ вреда. Не могу описать тебѣ, какія тѣнистыя деревья растутъ въ томъ лѣсу и какъ они толсты и крѣпки. Ты долженъ все это осмотрѣть вмѣстѣ съ Фрицемъ самъ. Тамъ мы видѣли одно дерево, которое растетъ такъ странно, что въ его вѣтвяхъ можно устроить цѣлый домъ. Если бы мы могли устроить тамъ наше жилище, поселиться въ вѣтвяхъ этого милаго, гостепріимнаго дерева, гдѣ никто насъ не могъ бы достать, то я была бы вполне счастлива и довольна. Тамъ бы я чувствовала себя въ полнѣйшей безопасности и знала бы, что меня не побезпокоятъ тамъ даже эти негодяи-шакалы.

Эта мысль моей жены была одобрена всѣми нами и принята. Но для того, чтобы попасть въ тотъ лѣсъ, нужно было перейти въ-бродъ черезъ ручей, около котораго была выстроена мною печь. Ночью же прошелъ дождь и нашъ ручей превратился сразу въ цѣлую рѣку. Пришлось дѣлать черезъ него мостъ. Эрнестъ привязалъ къ веревочкѣ камень, перебросилъ его

черезъ ручей и притянулъ его обратно къ себѣ. Такимъ образомъ онъ узналъ ширину ручья. Я и Фриць еще разъ съѣздили на остатки отъ корабля и привезли оттуда досокъ. Затѣмъ мы приступили къ постройкѣ моста. Ширина ручья оказалась въ 18 футовъ. Прибавивъ къ этому еще по три фута съ каждой стороны, я высчиталъ, что весь мостъ долженъ быть такимъ образомъ въ 24 фута длиной (18 ф. + 3 ф. + 3 ф. = 24 ф.). Теперь оставалось рѣшить вопросъ, какъ устроить самый мостъ? На берегу лежали два повалившихся когда-то отъ бури дерева. Я обрубилъ съ нихъ засохшія уже вѣтки, привязалъ къ нимъ веревку, впрягъ въ эту веревку осла и заставилъ его тащить эти деревья въ воду. Бревна попадали въ воду и, будучи удерживаемы осломъ съ одной стороны, скоро стали, благодаря теченію, поперекъ ручья. Тогда я укрѣпилъ ихъ камнями и кольями, настлалъ на нихъ досокъ, и мостъ былъ готовъ.

Фриць и Эрнестъ съ радостными криками тотчасъ же перебѣжали по нему на ту сторону, затѣмъ вернулись назадъ, и мы стали устраивать перила. Покончивши съ мостомъ, мы нагрузили все наше добро на осла, корову и на самихъ себя и двинулись въ путь, къ лѣсу, искать себѣ новое жилище. Скоро мы нашли то дерево, о которомъ говорила мнѣ жена и оно, дѣйствительно оказалось вполне подходящимъ, чтобы сдѣлать въ вѣтвяхъ его для насъ гнѣздо. Нашъ но-

вый домъ вышелъ у насъ на-славу. Мы настлали въ немъ полъ, забрали стѣны, сдѣлали окна и крышу и такъ и поселились въ немъ на постоянное жительство, какъ птицы. На землю мы спустили съ него веревочную лѣстницу, по которой входили и выходили изъ него, и которую на ночь убирали. Мы назвали наше новое жилище «Соколинымъ гнѣздомъ», а то мѣсто, гдѣ жили раньше въ палаткѣ—«Первымъ убѣжищемъ».

И потекла наша жизнь припѣваючи. Каждый день мы дѣлали какое-нибудь открытіе: или видѣли какую-нибудь диковинную птицу или звѣря, или находили какой-нибудь плодъ или траву и разговоры объ этомъ занимали весь нашъ тотъ день.

Чтобы сдѣлать болѣе удобными прогулки отъ «Соколиного гнѣзда» къ «Первому убѣжищу», въ особенности когда нужно было перевозить съѣстные припасы, мы сдѣлали телѣгу, въ которую запрягали корову и осла. Корабль сломался совсѣмъ и я и Фрицъ нѣсколько разъ еще посѣтили его и сняли съ него еще массу съѣстныхъ припасовъ. Но самой значительной для насъ была находка настоящей капитанской лодки, съ полной оснасткой и даже съ двумя отличными ружьями, упакованными въ рогожѣ, на ея днѣ. Она была скрыта на самомъ днѣ разбившагося корабля и нѣтъ сомнѣнія, что ее везли куда-нибудь, въ качествѣ багажа. Когда мы вытащили ее изъ нѣдръ корабля, спустили ее на воду,

и поставили парусъ, то намъ показалось, что она проснулась отъ долгаго сна въ трюмѣ корабля и теперь обрадовалась свободѣ и голубому морю и весело взмахнула своимъ крыломъ.

— Ура! воскликнули мы въ восхищеніи.—Шлюпка наша! Теперь мы можемъ совершать на ней прогулки далеко въ море!

Мы привели нашу находку на буксирѣ въ бухту «Перваго убѣжища» и занялись приведеніемъ ея въ порядокъ. Цѣлые дни мы глядѣли на нее, какъ на своего близкаго, желаннаго друга, и намъ казалось, что именно она поможетъ намъ выбраться изъ нашего заточенія, когда насъ потянетъ къ другимъ людямъ. Мы ее ласкали, ухаживали за ней и разговаривали съ ней, какъ съ живой.

Велика была радость моей жены, когда она увидѣла, какъ я и дѣти поплыли на этомъ нашемъ суденышкѣ вдоль берега и выстрѣлили въ честь ея изъ обоихъ ружей разомъ.

Наша жизнь потекла, какъ по маслу. На этой шлюпкѣ мы объѣхали кругомъ всего нашего острова и теперь были убѣждены, что попали именно на островъ, а не на материкъ. Цѣлую недѣлю мы работали всѣ, не покладая рукъ, устраивая наше жилище, прокладывая дороги, перекапывая огородъ. Но воскресенье мы свято чтили. Въ воскресенье съ утра мы читали Библию и это было нашимъ единственнымъ чтеніемъ по книгѣ. Больше никакихъ книгъ у насъ не уцѣлѣло. Затѣмъ мы играли

въ разныя игры, въ мячъ, въ городки. Я игралъ съ дѣтьми, какъ маленькій мальчикъ, и чувствовалъ, какъ развивались мои силы, хотя я и былъ уже взрослый человѣкъ, не привыкшій до этого къ физическому труду. И я понималъ тогда, что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть самоотверженнымъ и храбрымъ безъ сознанія въ себѣ ловкости и физической силы, и всячески старался поощрять дѣтей къ шумнымъ играмъ и тяжкому труду. Когда истощились у насъ всѣ припасы, то мы научились ихъ сами добывать: мы сами таскали на себѣ воду изъ ручья, сами приносили дрова и ходили отыскивать плодовъ на ѣду. Живыхъ же существъ мы не трогали и не убивали ихъ, такъ какъ на насъ хватало и плодовъ, и мы старались жить съ животными въ дружбѣ и платить имъ тѣмъ же довѣріемъ, съ какимъ они встрѣтили насъ, когда мы впервые появились на ихъ прекрасномъ островѣ. Въ одномъ дуплѣ мы нашли пчелиный рой, перенесли его къ себѣ и скоро у насъ появилась цѣлая пасѣка, кормившая насъ душистымъ медомъ и дававшая намъ воскъ. Какъ умѣли, мы дѣлали изъ этого воска свѣчи, которыя жгли по вечерамъ. Чтобы не прокисало молоко, мы устроили себѣ маленькій погребъ. А когда мы убѣдились, что на островѣ кромѣ насъ нѣтъ больше никого, то мы выстроили себѣ уютный домикъ и переселились въ него изъ нашего «Соколиного гнѣзда». Домикъ выходилъ окнами на море, мы его укра-

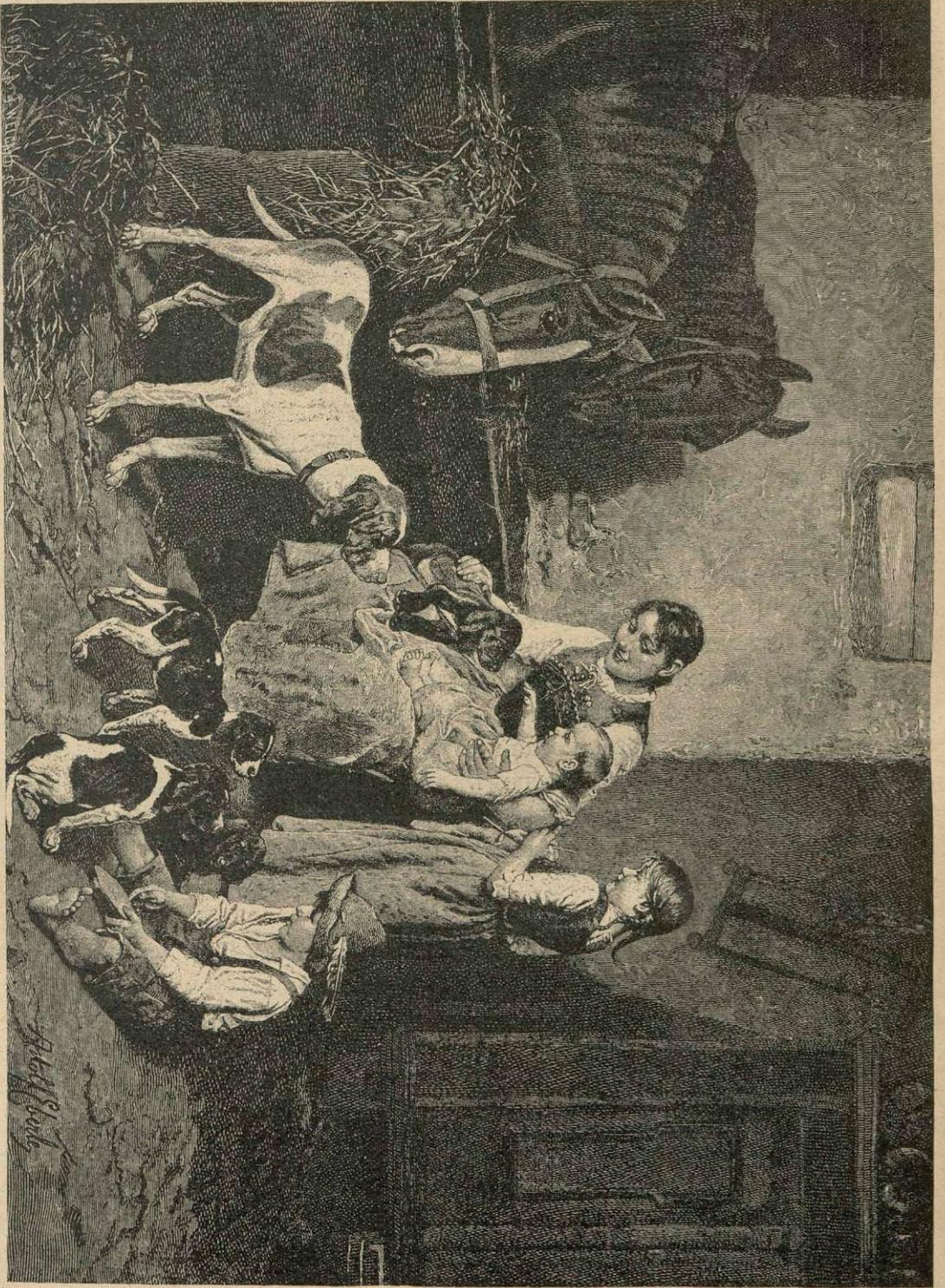
сили розами и виноградомъ и онъ казался намъ лучше и цѣннѣе, чѣмъ королевскій дворецъ. Да это и понятно, потому что мы выстроили его своими собственными руками и сами вбили въ него каждый гвоздь.

— Знаешь, мой другъ, говорила мнѣ жена.—Если бы не нужно было учить дѣтей, то я никогда не вспомнила бы о нашихъ людяхъ и гордахъ! Тамъ борьба за существованіе, а здѣсь у насъ—настоящій земной рай.

Иногда къ нашему острову подплывалъ странствующій китъ и пускалъ высокій фонтанъ. Тогда мы прибѣгали къ берегу, смотрѣли на него во всѣ глаза и видѣли, какъ онъ мощно ударялъ своимъ хвостомъ по водѣ и уплывалъ. Онъ возвращался къ намъ нѣсколько разъ и мы скоро потомъ увидели, что онъ приплывалъ не одинъ, а съ маленькимъ китенкомъ, которому онъ давалъ сосать молоко при насъ. И было страино видѣть животное, похожее на огромную рыбу, которая кормила своего дѣтеныша молокомъ.

И, какъ святой Францискъ Ассизскій, я и мои дѣти научились любить природу, называли трудъ своимъ отцомъ, вселенную своею матерью, птицъ—своими сестрами и звѣрей—своими братьями и друзьями.

Такъ прошли десять лѣтъ. Они промелькнули для насъ, какъ волшебная сказка, какъ радостный, блаженный сонъ. Въ эти десять лѣтъ мы изучили нашъ островъ до мель-

ЩЕПЯТКА.

Бабушка и внучка.

чайшихъ подробностей, мы знали на немъ каждое деревцо, каждую травинку, мы знали на немъ каждую птичку и каждаяго звѣрка. Наши козы и овцы, которыхъ мы сняли когда-то съ погибшаго корабля, теперь превратились въ цѣлое стадо. Нашъ скотный дворъ былъ полонъ разныхъ молочныхъ продуктовъ. Изъ овечьей шерсти и козьяго пуха мы сучили нитки и ткали сукно. Наша милая мать шила намъ изъ него костюмы, которые не отличались, правда, моднымъ покроемъ, но были практичны и теплы.

И за всѣ эти десять лѣтъ мы ни разу не видѣли на горизонтѣ корабля. Да онъ былъ намъ вовсе и не нуженъ. Только однажды, къ концу уже десятаго года, во время страшной бури, которая пронеслась ночью надъ нашимъ жилищемъ, когда море ревѣло и клокотало, какъ въ котлѣ, намъ показалось, что мы слышали отдаленный выстрѣлъ изъ пушекъ. Мы всѣ выскочили на воздухъ и старались разглядѣть въ темнотѣ, не идетъ ли это пароходъ и не терпитъ ли онъ несчастье. Но всѣ наши попытки проникнуть въ темноту оказались тщетными. Мы вернулись домой и снова легли спать. Но Фрицъ не спалъ цѣлую ночь. А когда настало утро и море поутихло, то онъ поставилъ парусъ на нашей лодкѣ и уплылъ куда-то далеко. Онъ былъ уже взрослый и часто уплывалъ далеко, а потому мы и не спрашивали его, куда онъ отправлялся.

Каково же было наше удивленіе, когда онъ къ вечеру возвратился домой и привезъ съ собою молодую дѣвушку. Онъ нашелъ ее лежавшею безъ чувствъ прямо на берегу на сохнущемъ пустынномъ островѣ, перенесъ ее на лодку и поплылъ съ нею обратно къ намъ. Скоро она пришла въ себя. Она оказалась англичанкой, ея имя было Дженни. Она была прекрасна собой. Только въ эту ночь ихъ судно потерпѣло крушеніе и изъ всего экипажа она уцѣлѣла только одна. Ее выбросило на берегъ, гдѣ и подобралъ ее нашъ Фрицъ.

Я и жена обрадовались Дженни, какъ родной дочери, а наши дѣти, какъ сестрѣ. Мы не знали, гдѣ ее посадить, чѣмъ ее угостить, и отвели ей лучшее помѣщеніе въ нашемъ домѣ. Но она скоро заскучала и стала тосковать о своихъ. Она не понимала, какъ мы можемъ такъ жить одни и какъ насъ не тянетъ къ людямъ и къ мясной пищѣ, отъ которой мы давно уже отвыкли. Но увидавъ нашу простую жизнь, она скоро плѣнилась ею, вошла, какъ говорится, въ ея вкусъ, и стала жить такъ же, какъ и мы. Дочь знатнаго офицера, аристократка по рожденію, никогда не знавшая, что такое трудъ, она скоро привыкла къ нему и трудилась вмѣстѣ съ нами, не покладая рукъ. И когда наступалъ вечеръ и она прощалась съ нами, чтобы идти ко сну, то она сладко потягивалась и, какъ маленькій ребенокъ, едва могла пересилить себя,

чтобы не заснуть въ одеждѣ за столомъ.

— Я никогда такъ сладко прежде не спала, говорила она.—А все это дѣлають воздухъ и трудъ!

Моя жена подходила къ ней, прижимала ее къ своему сердцу и говорила на ломанномъ англійскомъ языкѣ:

— Спи, моя дѣточка. Господь съ тобою! Ты—моя любимая дочь!

Такъ Дженни прожила съ нами около трехъ лѣтъ.

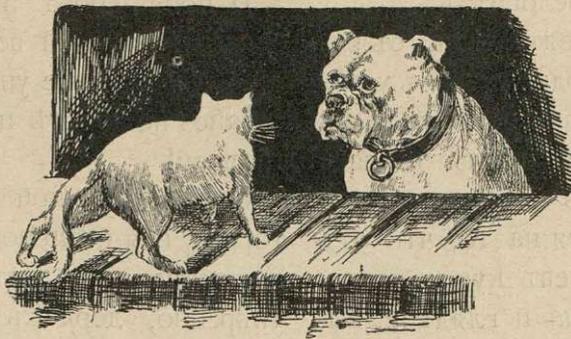
А къ концу третьяго года въ нашихъ водахъ вдругъ неожиданно появился англійскій пароходъ. Онъ выслалъ лодку, которая долго плавала около нашихъ береговъ. Затѣмъ она подплыла къ нашему «Первому убѣжищу» и изъ нея вышли нѣсколько матросовъ-англичанъ. Мы всѣ побѣжали къ нимъ навстрѣчу и смотрѣли на нихъ въ удивленіи, широко разинувъ наши рты. Они сообщили намъ, что около трехъ лѣтъ тому назадъ въ нашихъ мѣстахъ погибъ большой англійскій пароходъ и они плавають здѣсь уже давно, стараясь напасть

на слѣдъ хоть когонибудь, кто спасся послѣ той ужасной ночи. И когда мы имъ сказали, что спаслась Дженни и что она живетъ теперь у насъ, то одинъ изъ офицеровъ, прибывшихъ съ матросами, радостно воскликнулъ:— «Да вѣдь это—моя сестра!» Дженни бросилась къ нему на шею и стала отъ радости плакать. Плакали и мы.

Затѣмъ намъ предложили отправиться въ Европу. Но намъ было жаль покидать нашъ милый, пріютившій насъ, островъ и мы отказались и остались на немъ навсегда.

Только одинъ Фрицъ оставилъ насъ и уѣхалъ отъ насъ вмѣстѣ съ Дженни. Онъ сказалъ, что онъ не можетъ жить безъ этой дѣвушки, и хочетъ жениться на ней, если она согласится быть его женой. Она согласилась и онъ уплылъ отъ насъ навсегда. Я даю ему этотъ мой дневникъ, чтобы онъ показалъ его своимъ дѣтямъ, когда они будутъ у него, и чтобы, читая его, они когда-нибудь вспомнили и о насъ.

Одинъ изъ Робинзоновъ.

Нежелательная встрѣча.

ВСѢ ЯБЛОНИ ВЪ ЦВѢТУ.

Всѣ яблони въ цвѣту... И пчелки-хлопотуны
 Жужжатъ по цѣлымъ днямъ, собирая
 сладкій медъ,
 Какъ дань, со всѣхъ цвѣтовъ: съ
 ранункуловъ, съ петуны
 И съ розы царственной, что пышно
 такъ цвѣтетъ.

Весь Божій міръ расцвѣлъ. Какъ онъ
 теперь прекрасенъ
 Въ концѣ весны златой, какая раз-
 лита
 Повсюду теплота! Сводъ неба чистъ
 и ясенъ
 И всюду жизнь кругомъ и всюду
 красота!

Н. Блудоровъ.

ЧУЖОЙ.

— Пора, пора, Нюра! Иди, моя милая! Уже девятый часъ, а то опоздаешь! Не забыла-ли ты положить завтракъ въ корзиночку? Взяла яблоко? Ну, иди съ Богомъ! Ты уже достаточно наигралась со своей куклой; можешь быть вполнѣ спокойна: до твоего возвращенія изъ училища она будетъ спать. Поцѣлуй меня и Господь тебя благословитъ!

Нюра, дѣвочка девяти лѣтъ, съ розовыми щечками, поднялась изъ уголка, гдѣ она качала свою куклу въ старой корзинкѣ, и нехотя взялась за книжки. Ей жаль было разстаться съ куклой, несмотря на то, что отъ нея частыхъ поцѣлуевъ кукла достаточно уже полиняла и глядѣла, вытаращивъ глаза.

Ея мать въ это время мыла стек-

ла въ только-что выставленныхъ рамахъ и, оставивъ тазъ съ водой къ сторонѣ, вытерла руки о передникъ, перекрестила Нюру, поцѣловала ее крѣпко въ обѣ щеки, одѣла ее и, съ гордостью оглядѣвъ ее со всѣхъ сторонъ, ласково вывела за дверь.

— Ну, иди съ Богомъ! сказала она.—Прощай!

И пока Нюра шла по лѣстницѣ, она крикнула ей вслѣдъ:

— Смотри, не упади! Не останавливайся по дорогѣ и не попади подъ трамвай!

Съ корзиночкой въ рукѣ, въ которой у нея были положены ея книжка, тетрадка и завтракъ, Нюра неуверенно, держась одной рукой за стѣну, сошла съ лѣстницы.

Свѣтило солнце, но весна еще не

установилась и было холодно. Вчера только выставили рамы, а сегодня съ утра земля опять замерзла, какъ камень. Вода въ канавкахъ покрылась льдомъ, съ крышъ висѣли сосульки и въ мѣстахъ, гдѣ была тѣнь, еще лежалъ выпавшій за ночь снѣгъ.

«Такъ еще холодно, подумала Нюра, выйдя на улицу,—а мама уже выставила зимнія рамы»...

Мама ей сказала, чтобы она не останавливалась по дорогѣ и не оглядывалась по сторонамъ. Хорошо. Она не будетъ останавливаться даже передъ окнами игрушечнаго магазина, несмотря на громадное искушеніе, и не будетъ оглядываться по сторонамъ. Но что можно было подѣлать, когда вдругъ неожиданно, изъ чьихъ-то неизвѣстныхъ воротъ выскочилъ прелестный бѣлый котенокъ съ совершенно чернымъ носомъ, точно онъ нарочно обмакнулъ его въ чернильницу?

Выскочивъ изъ воротъ, котенокъ сѣлъ на тумбу и сталъ преспокойно умывать себѣ лапкой рыльце. При этомъ онъ высовывалъ такой розовый языкъ, что можно было принять его за лепестокъ розы.

— Какой хорошенькій котенокъ! воскликнула Нюра и остановилась передъ нимъ, позабывъ о школѣ.

Котенокъ продолжалъ умываться. Тогда она подошла къ нему и протянула къ нему руку, чтобы погладить его по спинѣ; но онъ соскочилъ съ тумбы, однимъ прыжкомъ очутился на серединѣ улицы, оцетинился, изогнулъ хвостъ дугой и, чего-то испу-

гавшись, побѣжалъ вдругъ отъ нея прочь. Тогда она стала ласково звать его къ себѣ и тоже побѣжала за нимъ, думая, что онъ испугался ея. Шагъ за шагомъ она слѣдовала за нимъ и не замѣтила, какъ очутилась вдругъ въ какомъ-то грязномъ переулкѣ, гдѣ прямо среди улицы шли толпы рабочихъ и гдѣ вдаль виднѣлись зданія

Держась одной рукой за стѣну, Нюра не увѣренно сошла съ лѣстницы.

какой-то фабрики, а сбоку, за заборомъ, раздавались свистки локомотива и шумъ колесъ вагоновъ.

Вбѣжавъ въ этотъ переулокъ, котенокъ юркнулъ въ подворотню и скрылся изъ глазъ.

Нюра оглядѣлась по сторонамъ. Куда она попала? Въ этомъ переулкѣ она не бывала никогда. Она совершенно не знала, что это была за фабрика,

не понимала, какъ такъ близко могла вдругъ оказаться желѣзная дорога, и въ испугѣ повернула назадъ. Выйдя въ улицу, она не узнала и ея. Всѣ дома были какіе-то сѣрые, грязные, закопченные, съ выбитыми стеклами и съ обвалившейся штукатуркой. И вдругъ ей сдѣлалось страшно. Она побѣжала впередъ, затѣмъ свернула въ какой-то другой переулочекъ, но здѣсь было еще грязнѣе и еще незнакомѣе, и она совсѣмъ растерялась.

«Что мнѣ теперь дѣлать?» подумала она.—«Куда я зашла?»

Въ переулкѣ было пустынно и не у кого было спросить, какъ попасть на ту улицу, гдѣ находилась школа. Всѣ двери были заперты, да Нюра никогда и не осмѣлилась-бы въ нихъ постучать, такъ какъ онѣ внушали ей страхъ...

Она остановилась въ нерѣшительности и стала соображать: что ей теперь оставалось дѣлать? Слезы навернулись у нея на глаза, но она не давала имъ воли и твердо рѣшила вернуться отсюда.

Какъ вдругъ въ сосѣднемъ домѣ раздался чей-то громкій крикъ. Окошко съ шумомъ растворилось, чей-то грязный кулакъ толкнулъ его и снова скрылся въ глубинѣ дома.

Нюра остолбенѣла. Хриплый женскій голосъ раздался по ту сторону окна и дѣвочка поняла, что тамъ кто-то ругали.

— Негодяй! Дармоѣдъ! Долго-ли еще я буду тебя кормить? Гдѣ ты таскался? Вотъ погоди, я тебя изобью!

— Но я не ѣлъ еще со вчерашняго дня, слышался вдругъ чей-то дѣтскій слабый голосъ.—Я пришелъ погрѣться... Мнѣ холодно и я хочу кушать...

— Ты хочешь жрать? А что ты сдѣлалъ для того, чтобы тебѣ дали ѣсть? Набери сначала полную корзину угля, тогда и проси! А теперь убирайся вонъ!

Затѣмъ съ шумомъ распахнулась дверь, изъ нея вышвырнули на улицу какого-то мальчика. Ему было на видъ около восьми лѣтъ, онъ былъ блѣденъ и худощавъ, одѣтъ въ лохмотья и вовсе безъ шапки. Вылетѣвъ изъ двери, онъ прямо упалъ на обледенѣлый тротуаръ. Та-же чья-то грязная рука снова отворила окошко и выбросила изъ него дырявую корзинку.

— Убирайся прочь! закричала женщина.—Не смѣй приходиться безъ угля!

Мальчикъ поднялся, подобралъ корзину и грустными глазами поглядѣлъ на окно.

— Но вѣдь я ѣсть хочу, жалобно сказалъ онъ.—Мнѣ хочется ѣсть!

— Долго еще ты будешь стонать? закричала на него женщина.

— Да брось ему чего-нибудь! слышался вслѣдъ за тѣмъ мужской голосъ.—Я хочу спать, а вы кричите и беспокоите меня!

Грязная рука скрылась, затѣмъ появилась снова женщина и съ ворчаніемъ бросила что-то мальчику изъ окна, какъ собакѣ.

— Чтобы ты не приходилъ сего-

дня безъ угля! Понимаешь?... Полную корзину, а не то я...

Мальчикъ съ жадностью набросился на брошенную ему корку хлѣба и сталъ ее съ аппетитомъ глотать. Окошко затворилось, шумъ умолкъ и снова водворилась тишина. Съѣвши корку, мальчикъ поднялъ корзину и оглядѣлся по сторонамъ. Нѣмая свидѣтельница всей этой сцены, Нюра забыла о своемъ горѣ и во всѣ глаза гладѣла на него и на это окно и не вѣрила своимъ ушамъ. Мальчикъ не замѣтилъ ее и покорно побрелъ туда, гдѣ свистѣлъ локомотивъ. Она проводила его глазами, а затѣмъ рѣшилась и побѣжала слѣдомъ за нимъ.

— Мальчикъ! позвала она.—Мальчикъ! Да обернись-же!

Мальчикъ обернулся и съ удивленіемъ увидѣлъ позади себя Нюру. Очевидно, такія дѣвочки были рѣдки въ этомъ кварталѣ, потому что онъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы.

— Хочешь? обратилась къ нему Нюра и протянула къ нему свой завтракъ и яблоко.

При видѣ хлѣба глаза мальчика жадно засверкали. Онъ почти вырвалъ его изъ рукъ Нюры и сталъ ѣсть. А затѣмъ онъ протянулъ руку и къ яблоку, но вдругъ отдернулъ ее и стыдливо сказалъ:

— Но вѣдь ты сама будешь тогда голодна!

— О, нѣтъ, ѣшь все, отвѣтила Нюра съ дрожью въ голосѣ.—Ты этимъ доставишь мнѣ удовольствіе... Бери-же!

И она насильно всунула ему въ грязную руку яблоко.

Онъ такъ-же жадно съѣлъ и яблоко. Онъ ѣлъ съ такимъ увлеченіемъ, что, казалось, не замѣчалъ ничего. Нюра-же, наоборотъ, слѣдила за каждымъ его движеніемъ и съ состраданіемъ смотрѣла на его лицо и лохмотья, на голодное и въ то-же время печальное выраженіе его глазъ.

— Какъ тебя зовутъ? спросила она наконецъ.

Онъ отвѣтилъ не сразу: Филя...

— Филя? Какое странное имя!.. А какъ зовутъ твою маму?

— У меня нѣтъ мамы, отвѣтилъ мальчикъ, опустивъ глаза.

— Нѣтъ мамы?.. Значитъ, она умерла?

— Не знаю...

— А это не твоя мама сейчасъ кричала на тебя? допрашивала Нюра.

— Нѣтъ... Я только у нихъ живу. Они говорятъ, что я... чужой, что я у нихъ... подкидышъ.

Онъ смущенно поглядѣлъ на Нюру.

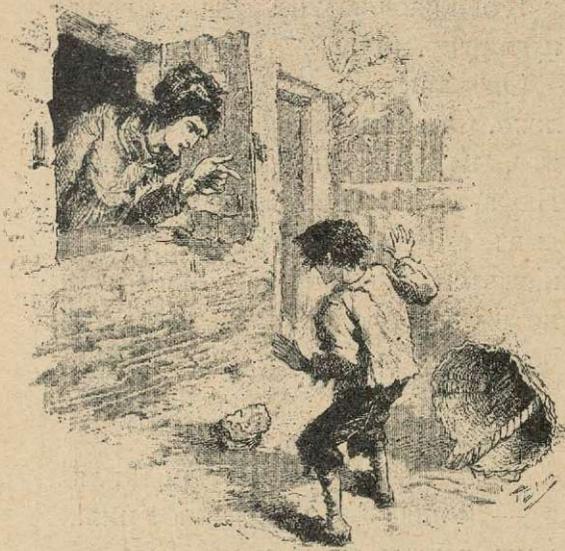
— Мальчишки, которые вмѣстѣ со мной собираютъ уголь, продолжалъ онъ,—тоже называютъ меня подкидышемъ... Ты не знаешь, что это значитъ?

Нюра подумала.

— Это, это значитъ, что твои папа и мама умерли, отвѣтила она,—и что ты остался одинъ и тебя нашли.

И она вдругъ стала плакать.

Онъ смотрѣлъ на нее удивленными глазами и не могъ понять, почему она заплакала.

— Долго еще ты будешь стонать? —

— А ты тоже здѣсь живешь? въ свою очередь задалъ онъ ей вопросъ.

— Нѣтъ, отвѣтила Нюра, отирая глаза. — Я живу на Зеленой улицѣ, но я заблудилась и не знаю, какъ теперь найти дорогу въ школу. Можетъ быть, ты знаешь? Она на Георгіевской улицѣ.

— Я не знаю, гдѣ она, только видѣлъ гдѣ-то, какъ мальчики и дѣвочки выходятъ изъ дому съ книжками. Пойдемъ — проведу! Можетъ быть, это и школа!

— Пойдемъ!

И они пошли.

— А зачѣмъ ты несешь съ собой корзину? спросила Нюра по дорогѣ.

— Я собираю въ

нее уголь, отвѣтилъ Филя, — который падаетъ съ телѣги, когда его провозятъ съ желѣзной дороги на ту вонь фабрику.

— И много его падаетъ?

— Нѣтъ, немного... Большіе перебиваютъ. Когда уголь сваливается, то они подскакиваютъ къ нему, хватаютъ его, а меня, чтобы я не совался, бьютъ.

— А ты-бы пожаловался на нихъ городовому!

Мальчикъ отрицательно покачалъ головою, что означало, что и городовые иногда не прочь его при случаѣ прогнать.

Дѣвочка нахмурила брови.

— А ты-бы никому не давалъ, сказала она, — и хваталь-бы скорѣе свою часть!

— Нельзя, отвѣтилъ мальчикъ. — Они толкаются, бьютъ меня и называютъ меня подкидышемъ. Я нарочно поэтому выхожу какъ можно позже, чтобы ихъ уже не застать. Когда они уйдутъ съ полными корзинами, тогда

Она увидѣла его въ самой серединѣ свалки.

— Дай кусочек!..

выхожу уже и я. Только для меня мало достается...

Мальчикъ говорилъ это вполнѣ спокойно, безъ вздоховъ, безъ слезъ и безъ всякаго гнѣва. Ясно было, что онъ такъ ужъ свыкъся съ этимъ своимъ положеніемъ, что оно казалось ему вполнѣ обыкновеннымъ.

— Значить, тебя никто не любитъ? спросила Нюра и голосъ ея дрогнулъ.

Мальчикъ задумчиво смотрѣлъ въ пространство и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, меня любила одна Маша, но она, говорятъ, умерла.

— А кто это такая Маша?

— Маленькій ребеночекъ... двухъ лѣтъ. Я былъ у нея нянькой. Ея отецъ и мать, за то, что я качалъ ее, платили мнѣ и тогда я не ходилъ уже собирать уголь. Мы по цѣлымъ днямъ играли съ ней вдвоемъ на солнышкѣ. Это было прошлымъ лѣтомъ. Она очень любила меня, знала мое имя и когда я запаздывалъ, то кричала такъ, что бѣда. А когда я приходилъ къ ней, то она смѣялась и хлопала въ ладоши. А потомъ съ нею вдругъ сдѣлался жаръ, а два дня спустя у нихъ на лѣстницѣ стояло много народу. Они сказали мнѣ, что у нея болѣло горло, что она умерла и что они ее сейчасъ похоронили и пришли поминать.

Мальчикъ заплакалъ и грязными кулаками вытеръ глаза.

— Не плачь, сказала ему Нюра, — не надо! Эта Маша теперь на небѣ, вмѣстѣ съ ангелами, у Иисуса Христа.

Мальчикъ недовѣрчиво посмотрѣлъ ей въ лицо.

— На небѣ?.. повторилъ онъ.—У Иисуса Христа?.. У какого Иисуса Христа?

Но въ это время мимо нихъ проѣзжала съ громомъ и стукомъ колесъ громадная телѣга и Нюра не смогла слышать вопроса Фили. Передъ ними уже тянулась улица, по которой стремились прохожіе взадъ и впередъ и были уже высокіе, опрятные дома и богатые магазины.

— Ну, вотъ и наша школа! воскликнула наконецъ Нюра.— Должно быть, я теперь ужасно опоздала! Учительница будетъ обижаться... Но это ничего. Зато я познакомилась съ тобой! Ты придешь сюда еще разъ? Тогда и я приду и мы повидаемся снова. Приходи сегодня въ четыре часа!

Онъ утвердительно кивнулъ ей головой. Она вошла въ дверь школы и быстро-быстро вбѣжала по лѣстницѣ наверхъ. Филъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, точно ожидая, что она появится опять, а затѣмъ взялъ свою корзину, которая передъ этимъ вывалилась у него изъ рукъ, и медленно побрелъ въ тотъ рабочій кварталъ, гдѣ взадъ и впередъ бѣгаетъ по рельсамъ локомотивъ, гдѣ черный дымъ валитъ изъ фабричной трубы и гдѣ такіе же оборвыши, какъ и онъ, собираютъ свалившійся по дорогѣ уголь. Онъ встрѣчаетъ ихъ, останавливается поодаль отъ нихъ и начинаетъ ожидать того момента, когда они уйдутъ.

Но вотъ отъ желѣзной дороги

медленно отъѣзжаетъ большая телега, нагруженная до верху углемъ. Она направляется по выбитой, неровной мостовой прямо къ фабрицѣ, гдѣ выгрузить его, и затѣмъ снова вернется къ желѣзной дорогѣ. Съ нея сваливаются при толчкахъ кусочки угля. Дѣтишки съ крикомъ и визгомъ набрасываются на нихъ, хватаютъ ихъ и кладутъ къ себѣ въ корзины. Во время всеобщей свалки Филя украдкой подбѣгаетъ къ нимъ и тоже старается схватить себѣ уголекъ.

— Ну, ты, подкидышь! кричатъ ему мальчишки.—Убирайся прочь!

И они начинаютъ его бить.

Но онъ привыкъ уже къ ударамъ, онъ не обращаетъ на нихъ вниманія и такъ-же весело смѣется, какъ и они. Вся цѣль его жизни — это набрать до вечера полную корзину, иначе его не пустятъ ночевать.

Въ четыре часа Нюра уже снова появилась въ томъ переулкѣ, куда случайно забрела сегодня утромъ. Оглядываясь по сторонамъ, она старалась отыскать своего новаго друга. И она увидѣла его въ самой срединѣ свалки. Онъ лежалъ на землѣ и всѣ другіе мальчишки бросались на него съ пинками, чтобы отнять у него довольно большой кусокъ угля, который удалось ему схватить. Они били его по чему ни попало, и кричали: отдай! отдай! А онъ, точно великую драгоценность, пряталъ этотъ кусокъ угля себѣ подъ лохмотья и рѣшилъ лучше умереть, чѣмъ уступить его другимъ. Но они все-таки отняли его у него

и такъ и оставили его блѣднаго лежать на землѣ.

— Какія вы всѣ злые! вдругъ слышался жалобный голосъ Нюры.— Оставьте его, иначе я буду плакать!

Мальчишки обернулись, увидели дѣвочку и со смѣхомъ разбѣжались по сторонамъ. При видѣ Нюры лицо у Фили прояснилось, онъ приподнялся съ земли, стряхнулъ съ себя грязь и жалобно сказалъ:

— Такой хорошій кусокъ и они у меня его отняли!

— Это ничего, утѣшала его Нюра.— Пойдемъ! Ты найдешь еще другой!

Мальчикъ дрожалъ отъ холода и старался плотнѣе укрыться въ свои лохмотья.

Дѣвочка взяла его за руку и долго вела его молча по переулку. Выйдя затѣмъ на улицу, она отыскала лавочку у воротъ чьего-то дома и усадила на нее Филю. Вся куртка на немъ была изорвана мальчишками такъ, что сквозь дыры виднѣлось голое тѣло.

Нюра сняла съ себя платокъ и надрала ему на плечи.

— Ну, вотъ, сказала она.—Теперь тебѣ будетъ тепло! Этотъ платокъ тебя согрѣетъ. А вотъ тебѣ и хлѣбъ. Я принесла его на случай, если ты захочешь ѣсть...

На случай, если онъ захочетъ ѣсть... Да онъ не помнитъ ни одной минуты, когда-бы ему не хотѣлось ѣсть! Развѣ не изъ-за куска хлѣба онъ теперь собираетъ уголь и выноситъ побои?

Нюра полѣзла къ себѣ въ корзинку

и достала оттуда аппетитную, поджаристую французскую булку.

Онъ не осмѣлился ее взять.

— Ты, значить, сытъ? спросила она.— Не хочешь?

Онъ алчными глазами посмотрѣлъ на булку, а затѣмъ опустилъ голову и тихо сказалъ:

— А можно?

Она сунула ему булку въ руки и, не вѣря своимъ глазамъ, онъ осмо-

Она сняла съ себя платокъ и надѣла ему на плечи.

трѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и поднесъ ее ко рту.

А когда онъ ее съѣлъ, она достала изъ корзинки книжечку и протянула ее къ нему.

— Вотъ... сказала она.— Прочти!

Онъ конфузливо опустилъ глаза.

— Я не умѣю читать, отвѣтилъ онъ.

— Тогда погляди на картинки! Это—священная исторія. Здѣсь написано про Иисуса Христа.

Онъ раскрылъ книжку и посмотрѣлъ на первый попавшійся рисунокъ.

— Это маленькій Христосъ лежитъ въ ясляхъ, пояснила ему Нюра.

— Маленькій Христосъ? переспросилъ ее Филя.— А кто это маленькій Христосъ?

Нюра широко открыла глаза и съ недоувѣриемъ поглядѣла на него.

— Это Богъ! сказала она.

— Богъ?..

Онъ снова во всѣ глаза поглядѣлъ на него.

— Неужели ты до сихъ поръ не знаешь, — кто такой Иисусъ Христосъ?

Онъ откровенно посмотрѣлъ ей прямо въ лицо.

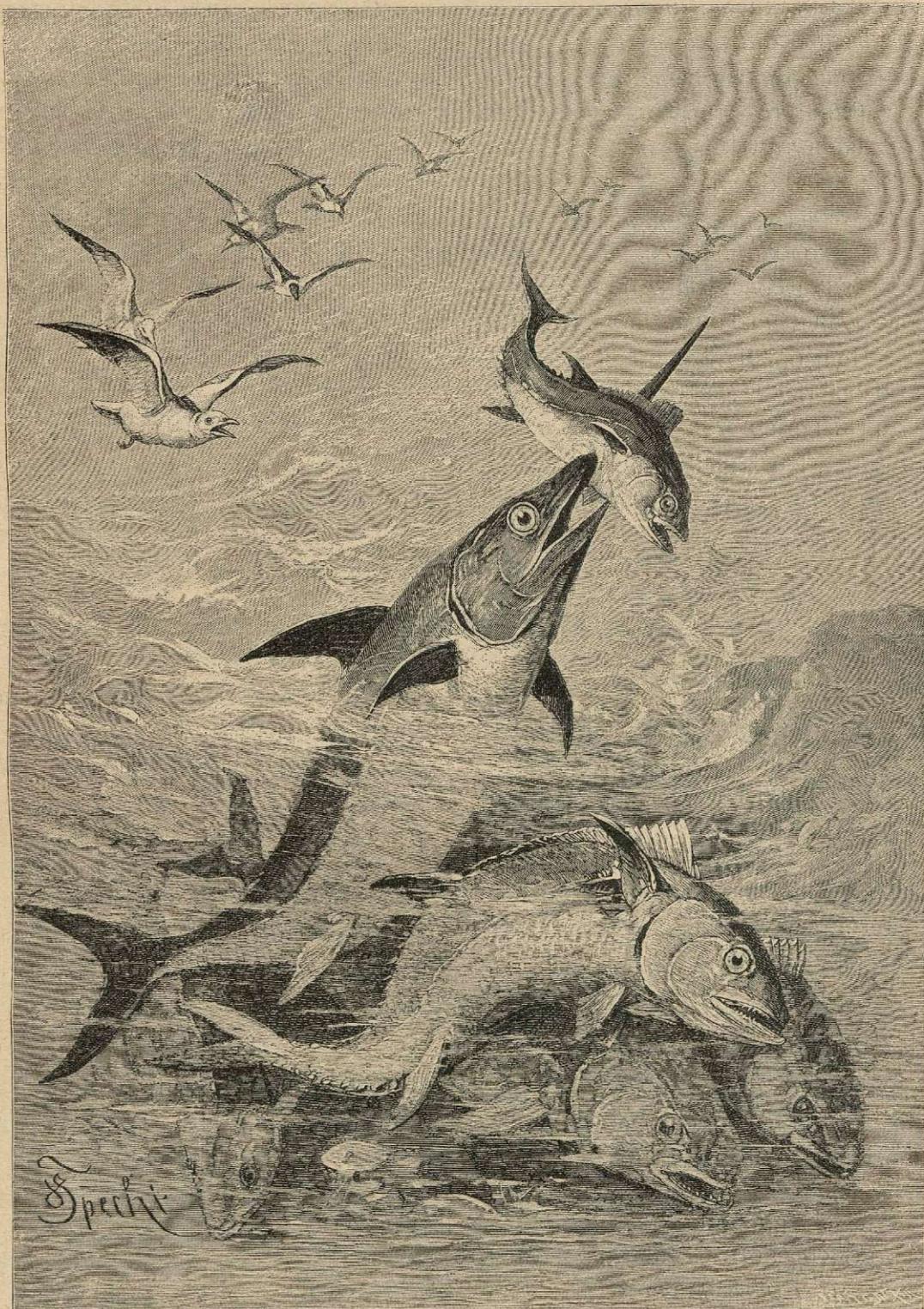
— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ.

Она встряхнула головой, вырвала у него принесенную ею книжку и усѣлась на лавку.

— Садись и слушай, рѣшительно приказала она ему.— Я буду читать!

И она открыла книжку и стала ему читать.

Мимо нихъ проходили люди, но всѣ они были заняты своимъ дѣломъ и никому не было досуга на нихъ взглянуть. А она, водя пальчикомъ отъ слова къ слову, читала ему, какъ могла, и, когда онъ не понималъ, объясняла ему на словахъ. Онъ слушалъ ее съ захватывающимъ интересомъ, все было для него ново и онъ жадно ловилъ ея слова. Спускались сумерки, у Нюры озябли ноги, она знала, что ее хватятъ дома и будутъ ее искать, но она не могла подняться, не могла бросить начатаго ею дѣла и все продолжала и продолжала читать.

Мечь-рыба.

— А гдѣ живетъ Иисусъ Христосъ? вдругъ спросилъ ее Филя.

— На небѣ, отвѣтила она.—Когда ты умрешь, то отправишься на небо и увидишь тамъ Христа.

Мальчикъ быстро поднялъ голову и посмотрѣлъ на облака. Среди нихъ свѣтился холодный тоненькій серпъ молодой луны и блестяла одинокая звѣздочка. Лицо его просіяло.

— На небо? Я отправлюсь на небо? проговорилъ онъ.—Значитъ, я встрѣчу тамъ и Машу?

— Да... Тамъ на небѣ много, много звѣздъ и все ходятъ ангелы, ангелы,

ангелы и у нихъ бѣлыя большія крылья и бѣлыя мантии. Вотъ какъ здѣсь на картинкѣ, видишь? Тамъ-же ходятъ Божія Матерь и святые... И всѣ ангелы поютъ такъ хорошо, такъ хорошо, что ихъ никогда не устанешь слушать. И всѣ тамъ счастливы и всѣ любятъ другъ друга.

Мальчикъ глядѣлъ на небо, слушающая Нюру, и ея голосъ казался ему сладчайшей музыкой, тонкою струйкой, лившейся ему прямо въ сердце, такую музыкой, которую поютъ только на небѣ.

А. Ш.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Почему теперь люди ходятъ въ лаптяхъ и въ сапогахъ, а не въ сандаляхъ, какъ въ древнія времена?

II.

Почему при изверженіи Везувія въ 1872 году раскаленная лава его текла до самаго моря?

III.

Если взять часть трубы, дно отъ сундука, одну изъ ногъ, низку бусъ, однозначное число, ящерицу и змѣю и половину кровати, то что выйдетъ?

IV.

Если къ части гавани прибавить глазъ, то что выйдетъ?

V.

Если къ сотнѣ прибавить физиономіи, то что получится?

VI.

Даны три слова:

1) — ил — = плотничій инструментъ.
2) — уд — = то, что совершали святые.

3) — уг — = часть упряжи.

Найти эти задуманныя слова, взять отъ нихъ послѣдніе слоги и изъ этихъ слоговъ составить новое слово, составляющее названіе сѣвернаго города Россіи.

Какія это слова и какой это городъ?

VII.

Задуманы три слова:

1) н — — — = часть тѣла чело-
вѣка и животныхъ.

2) в — — — = то, что дѣлаетъ
одежду теплой.

3) г — — — = то, чего много въ
Швейцаріи и на Кавказѣ.

Отгадать эти слова; взять отъ
каждаго изъ нихъ первую и послѣд-
нюю буквы; такимъ образомъ полу-
чатся три слога; составить изъ этихъ
слоговъ новое слово, означающее
рыбу, водящуюся въ сѣверныхъ во-
дахъ.

VIII.

Стоитъ городъ на городѣ. Одна
нога его обута въ городъ, за спи-
ной у него городъ, а въ этомъ го-
родѣ еще городъ. Его онъ ѣстъ и
закусываетъ городомъ.

Назвать каждый городъ по имени,
но такъ, чтобы вышла цѣлая понят-
ная фраза. Какіе это города?

(Предложилъ Вася Зиновьевъ въ Спб.).

IX.

Задуманы три слова, означающія:

1) посуду.

2) часть тѣла челоуѣка и многихъ
животныхъ.

3) лѣтній домъ.

Первая и послѣдняя буквы каждого
изъ этихъ словъ даютъ собою слогъ.
Всего, слѣдовательно, выйдетъ три
слога. Составить изъ этихъ слоговъ

новое слово, которое означаетъ часть
лица.

Какія это слова и какая это часть
лица?

Арифмографъ. Фамилія русскаго по-
эта состоитъ изъ девяти буквъ: 1.
2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. Буквы 6. 7. 4.
7. 3. 5 означаютъ птицу, 8. 7. 4.
7. 1. 5—тоже птицу, 3. 8. 5. 6. 9.
прохладительный напитокъ, 8. 2. 6.
1. 5—время года, 7. 8. 2. 6. 9—хлѣб-
ный знакъ.

Какія это слова и какъ фамилія
писателя?

Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 13
«Золотою Дѣтства».

У подошвы горы возъ + вы + ша-
ли + съ два замка = у подошвы горы
возвышались два замка.

Рѣшеніе головоломкѣ, помѣщенныхъ въ
№ 14 «Золотою Дѣтства».

I. ...мя + со (мясо), ...теля + тина
(телятина), солонъ + ина (солонина),
...хлѣ + бѣ (хлѣбъ), суха + ри (сухари),
котъ + лета (котлета), ...ма + сло
(масло) ...горъ + охъ (горохъ), ...ква +
съ (квасъ), ...гре + чиха (гречиха).

II. КОрова, воРОна, осИНА =
корона.

III. Ариѳметика, Мышь, Ермакъ,
Ромашка, Икра, Курица, Азбука =
Америка.

Вѣрныя рѣшенія прислали: А. Семеновъ изъ Москвы, Ѳеда Хлопотовскій, Муся Мыльниковъ, Петя Степновъ въ Спб., Коля Ивановъ изъ Тифлиса, Шура Воробьева, Мери Кроль, Манюня Пшеборская изъ Николаева, Любочка Слободзинская, Петръ Осиневскій, Варя Воронина, Ида Бергъ, Нинуша Пыхтѣва изъ Мензелинскаго уѣзда, Коля Сорокинъ, Анна Липинская, М. Бронцеръ, Маруся Целицо изъ Харбина, Жоржъ Иволгинъ изъ Москвы, Митя Березаевъ, Шура Шмидтъ, Витя Быстрицкій изъ Царицына, Петръ Дубовской, Надя Ольховская, Р. Бреннеръ, Лили Корженевская, Яша Андреевскій, Митя Даевъ, Созя Ладзиевская, Лидія Ландманъ изъ Архангельска, Сережа Грабовскій, Боря Воронцовъ, Нина Перетцъ, Тася Аюцатова изъ Елисаветграда, Яковъ Букманъ, Митя Журавлевъ, Сержъ Толь, кто-то изъ Ахтырки безъ подписи, Маруся Акацинская, Леля Ласточкина, Настя Тайгеръ, Тася Кислицына изъ Харькова, Саша Куркинъ, Ваня Елкинъ, Н. фонъ-деръ-Бургъ, Тая Волкова и ея племянникъ Андриуша Федотовъ-донской казачекъ изъ Николаева, Коля Смарагдовъ, Надя Саблина, Вѣрочка Игнаьева, Сережа Гуляницкій изъ Вышгорода. Оля Крагеръ, Надя Терновская, Люся Соснина, Вѣра Когутова изъ Каменецъ-Подольска, Алеша Грызуновъ, Василий Птицынъ, Маруся Тинская, Леля Салтанова, Леля Азбукина, Игорь Огоро-

ковъ, Жоржикъ Заборовскій, Вѣра Серебренникова изъ Ташкента, Ѳедоръ Стуловъ, Вѣрочка Строителива, Отто Крамеръ, Митя Мартинусъ, Тая Черемовская изъ Песочнаго, М. Айвазовъ, Миша Лѣтовъ, Жена Череминская, Владиміръ Пуцилло, Никита Глухаревъ, Наточка Песчинская, Олегъ Зонне, Нина и Сережа Неврли въ Спб., Коля Бартошевичъ, Коля Угловкинъ, Аня Соколова, Шура Вендеровичъ изъ Луганска, Лиза Бумагина, Маруся Андреева, Боря Рудницкій, Нина и Боря Беме въ Спб., Яковъ Бутылинъ, Оля Хропова, Оля Енакіева въ Спб., Костя Архангельскій, Эдя Зауэрмилхъ, Владиміръ и Георгій Конрадъ въ Спб., Боря Кондратьевъ, Оля Алексѣева, И. Городецкій въ Нижнемъ-Новгородѣ, Вася Самотекинъ, Петя Каретниковъ, Володя Бердниковъ изъ Казани, Валя Фигурская изъ Теплика Подольск. губ., Настя Смородинова, Галя Евсѣева уч. 2 отд. Азбучнаго класса Александровской гимназіи, Митя Новицкій изъ Ахтырки, Сергѣй Ясыринъ, Жанне Меуниег изъ Ялты, Лили Аверкіева, кто-то безъ подписи, еще кто-то тоже безъ подписи, Витольдъ Румшевичъ, Екатерина Семенова въ Спб., А. М. Толстой въ Спб., Валя Циммерманъ, Володя Ивановъ изъ В.-Волочка, Нина Пигулевская, Вѣра и Надя Клугенъ изъ Кіева, Л. и В. Коринфскіе, Аничка Алавердова изъ Нахичевана-Дону, Владиміръ Галатте изъ Ромень.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“ за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз. За пересылку по разстоянію.

Можно выписывать изъ Редакціи „Золотое Дѣтство“

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ—въ **Конторѣ** журнала „Золотое Дѣтство“, **С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3**; б) для городскихъ подписчиковъ—въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40) и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій).

➡ **Подписной годъ съ 1-го ноября.** ➡

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

